

10 СТАНЦИЯ БОЛЬШОГО ФОНТАНА

Лучшие лета моего школьного детства я провел на даче на 10 ст. Б. Фонтана. В середине 60-х еще не было широкой раздваивающейся внизу лестницы, а спускающийся от сквера асфальт упирался в невысокий бордюрчик, сразу за которым был отвесный обрыв.

Налево полого уходила вниз асфальтовая дорога, постепенно превращаясь в грунтовку, от которой метров через 200 было ответвление вправо – к морю. Пляжа там не было, так – какое-то небольшое мелкокаменное плато. А в море, метрах в 50 от берега, от дна поднималась скала, не доходящая до поверхности, наверное, метр. Во всяком случае, мелюзга типа нас тогдашних любила стоять на этом камне по грудь в воде и, наклонившись, разглядывать через маску для подводной охоты красоты дикого дна. А сразу за камнем начиналось прекрасное плоское песчаное плато, простирившееся аж до 8-й станции. На ней, на глубине два метра, любили греться на солнышке глоссики. Туда мы, пацаны, обычно отправлялись в августе, прихватив с собой ласты, маски, трубки, большую накачанную автомобильную камеру и остро оточенные пики. Один из нас садился на камеру, а остальные с пиками наперевес выходили на охоту. На поджарку хватало всем семьям. Только было жалко смотреть, как глосси выворачиваются на сквородке.

На главный пляж можно было попасть по узкой лестнице, вход на которую был справа от бордюра. Но по ней мы спускались редко. Либо во время внезапной легкой грозы – купаться, либо сразу после нее – искать монетки, оброненные напуганными отдыхающими, когда они быстро собирали с топчанов вещи, не особо обращая внимание, что из карманов что-то сыпется. И должен сказать, на мороженое хватало не только нам, но и всем семьям.

В нашу бухточку нужно было пройти дальше направо, по своеобразному балкону, уставленному деревянными топчанами. Балкон оканчивался полянкой, полого спускающейся к морю. Справа, под обрывом, синела деревянная спасательная станция с вышкой, а у воды стояли прокатные лодки – фюаны. Плавсредства несовершеннолетним не выдавали, так что на рыбалку мы обычно ходили с чьим-то папой или братом. И уж выходя в море, мы знали все грядочки, где пряталась сурмань, косы, на которых миникурировали песчанки и оттели, куда осенью заходили кнуты. А если подходила ставрида или, не дай Бог, скумбрия... Эх, были времена! Но сейчас не об этом.

Если мы шли на пляж сами, то наш путь лежал дальше, где за небольшим перевалом воняло и кишело комарами небольшое болотце. Оно подпитывалось холодноточным источником из мрачного узкого туннеля в отвесном глинисто-ракушняковом обрыве. Вот где был самый Средний Фонтан! Из болотца в несколько рукавов вытекало, так сказать, мини-Ангара и очень извилисто впадала в море. На пляжике в дельте Ангара местного разлива людей не было никогда – вода-то впадала ледяная.

А если, зажимая нос, пройти чуть дальше к 11 станции, приблизительно там, где сейчас инвалидный пляж, располагалась уже НАША БУХТОЧКА. Попадала мы в нее только со стороны моря, а с дороги она была совершенно незаметна из-за нависающих скал. Возле берега торчал из воды камень, где мы надевали ласты, а метрах в двадцати мористей была наша база – плоская скала, на которой могли греться одновременно несколько человек. Подводное царство вокруг радовало причудливыми мерцающими красками, джунглями водорослей и поросшими мидиями камнями, под которыми прятались бычки и крабы. Мидий мы жарили на берегу, на костерке, разожженном под металлическим листом, а крабов жалели. Они так смешно разбегались, когда их отпускали на волю.

А еще, бухточка была приятна тем, что до нее не добивали бинюкли спасателей с пляжей 10 и 13 станции, и мы могли заплывать как угодно далеко. Правда, один раз я увлекся и заплыл не только вглубь, но и вправо, и меня засекали спасатели 13 станции, догнали на лодке, затащили на борт, привезли под спасательную вышку и стали допытываться, где я живу. Я честно сказал, что на Ольгиевской, и сюда приехал специально, т.к. здесь вода чище. Как я добрался сюда в одних плавках и с ластами, спасателей не интересовало, зато они сильно хотели узнать, мой домашний номер телефона, который я, зная, что никого нет дома, честно сообщил. И нужно же такому случиться, что мой папа как раз пришел домой обедать. «Вашего сына только что задержали на 13 станции и сейчас отвезут в милицию», – сказал спасатель в трубку, не уточняя подроб-

Сергей Осташко

Пляжи моего детства

ностей, и папочка тут же примчался выручать из беды любимого сына. Короче, потом я имел что послушать.

Кроме нас постоянными обитателями бухточки были две пары: молодые – лет по двадцать и пожилые – лет под сорок. В начале сезона мы встречались как старые знакомые, а в конце августа прощались до следующего лета. Причем «старика» всегда были одни и те же, а в молодой паре девушка каждый год была другая.

Как-то я пришел в бухточку один, искупался и решил уйти нетривиально, не водой, а по-альпинистски, – вверх по отвесной скале. Приблизительно до середины скалы мне это удалось, а потом... Камни-дикари, которые служили «надежной» опорой рукам и ногам вывернулись из глины, и я пополз вниз, до крови обдирая ноги, бок и лицо. Когда я окровавленный дошел до дачи, я имел что послушать. Зато этот эпизод раз и навсегда отбил у меня желание лезть в гору. Ни на какие «лучше гор могут быть только горы» я не поддавался никогда.

Уже будучи студентом, я с обрыва видел, как взлетали на воздух скалы 11-й станции. В начале 70-х лихорадка берегоукрепительных работ вдоль всего побережья дошла и сюда. И слезы наворачивались на глаза. Ведь это взрывали наше детство.

ВОДНАЯ СТАНЦИЯ ДОСААФ

И опять более взрослое воспоминание – о водной станции ДОСААФ. Была когда-то такая, не доходя до Ланжерона. В самом начале спуска к пляжу из парка Шевченко влево отходила узкая лестничка, ведущая как раз туда, где сейчас воздвигся очередной минител. А в советские времена там была школа практического подводного плавания. Сами занятия в зимнее время проводились в здании будущей, а ныне почившей в бозе газеты «Одесский вестник» (не помню, как точно называлась размещавшаяся там на первом этаже организация ДОСААФ), а с наступлением тепла, обучающиеся перемещались на воды. Точнее на водную станцию ДОСААФ, где начиналось внедрение изученной за зиму теории в практику погружений в живое море.

Помню свое первое погружение в аквалангом. Было это в середине июня, жара стояла несусветная, а когда мы пришли на станцию, от моря пахнуло холодом. Непонятно почему, но в моей сумке для ласт оказался «рябчик» – так в Одессе всегда называют тельняшку. И я надел ее под акваланг.

Первые погружения аквалангистов проходят на так называемом буйрепе – длинной веревке, один конец которой обвязывается вокруг пояса ныряющего, а второй держит в руках страхующий, чтобы вытаскивать ныряющего, если что.

Я, как отличник боевой и подводной подготовки, нырял первым.

– Ты чего рябчик надел? – удивился мой страхующий.

– Бере-еженн-ого Бо-ог... – попытался было ответить я, не вынимая загубника акваланга, но тут она скользнула по железной ступени лестницы, ведущей в воду, и я рухнул в море.

Сказать, что вода обожгла, – значит, ничего не сказать. При температуре воздуха +32, вода +12 показалось кипятком. Я, чтобы согреться, изо всех сил заработал ластами, и через мгновение что-то сильно дернуло меня за пояс. «Что за черт», – подумал я, вынырнул на поверхность и увидел, что на берегу мой страхующий изо всех сил пытается удержать рвущегося в открытое ледяное море подводного пловца, то есть меня. Оказалось, что за это самое мгновение я успел пронырнуть все 50 метров буйрепа.

«Возвращайся, – крикнул мне с берега тренер, – зачет принят».

И я с радостью, но с той же скоростью поплыл обратно. А мой рябчик пригодился в этот день другим ныряльщикам еще не раз.

Впрочем, было одно исключение. С нами занималась милая девушка Таня. Милая во всех смыслах, но выдающаяся в районе таза. И этот самый выдающийся таз никак не позволял ей уйти под воду. Руки-ноги на глубине, а таз – вот он, на поверхности. Чего мы только не предпринимали: и пытались вручную затолкать ее под воду, и затащить красавицу вглубь из-под воды, надевали на нее акваланг с тремя баллонами, – ничего не помогало.

«Танечка, через неделю сероводород уйдет, море станет теплым, а мы к тому времени что-нибудь придумаем», – увещевали мы бедную девушку, но она оказалась упорной и в очередной раз лезла в ледяную воду.

И только когда тренер нацепил на Таню брезентовый пояс с кучей свинцовых грузов, она таки ушла под воду. Правда, вытаскивать ее с этим грузом из воды за буйреп пришлось всем вместе.

ЛУЗАНОВКА

Лузановка в ранних детских воспоминаниях предстает чем-то волшебным и экзотическим. Ехать туда нужно обязательно катером через почти открытое море. Причал, выдвигающийся из песчаных дюн, мелкий лягушатник, где тебе разрешали бултыхаться практически самостоятельно, и полное отсутствие в воде острых камушков и раковин, о которых легко пораниться.

Домой мы обычно возвращались трамваем. Не из соображений экономии – 20 копеек за билет – не те деньги. Просто от Пересыпского моста до улицы Ольгиевской, где мы жили, гораздо ближе, чем от морвокзала. А у основания лестницы, ведущей от моста наверх – обязательный бонус: холодная артезианская вода, текущая прямо из камня. Впрочем, слово «бонус» в то время не знал не только я, но и мои родители.

А еще в Лузановке я первый раз самостоятельно поплыл. Произошло это не в центре пляжа у причала, а в самом начале пустынного плато, где тогда не было ни дома Павлова, ни стадиона «Продмаш», ни даже поселка Котовского на горизонте. Просто от шоссе к кромке воды вела грунтовка.

Был сентябрь, последний теплый день года. Папа с друзьями заехал за нами на казенной «Победке», и мы поехали закрывать купальный сезон. Сколько мне тогда было – 3,5 года? 4,5? Не помню!

Помню, что все лето мама учила меня плавать. Я уже знал теорию и мог при поддержке снизу проплыть несколько метров. Но как только из-под пуза уходила надежная мамина рука, я тут же шел ко дну.

И вот родители с друзьями сидят на подстилке, а я бултыхаюсь рядом в полосе прибоя, где море по колено. И вдруг ощущаю в кулачке шевеление. Разжимаю – а там малюсенький бычок. Радости моей не было предела. «Мама, папа, я рыбку поймал!» «Да какая там рыбка!», – взрослым явно не хотелось отвлекаться от стола на фантазии дитяти. «Да вот же, вот!» И, чтобы было лучше видно, кладу рыбку на воду. Сами понимаете, что бычок сей же час махнул хвостиком и был таков. А мне стало так обидно, что я бросился в погоню. Поймать я его, естественно, не поймал, но, когда понял бессмысленность дальнейшего преследования, оказалось, что я отплыл от родителей метров на 15. Это было последнее мое купание в этом году. А на следующий год я сразу поплыл к буйку.

ЕСТЬ ВОДА, ХОЛОДНАЯ ВОДА

Одесситы знают, что иногда, в самый разгул июльской жары, вода в море становится ледяной. Это бывает из-за выброса с

глубины холодных слоев. Иногда выбросы бывают с сероводородом, тогда море становится коричневым, над водой стоит тяжелый запах, вся живность бросается к берегу, и полуснувшую рыбку можно собирать ведрами просто у кромки прибоя. А иногда выброс бывает чистым – над морем стоит туман, а вода от берега до буйки становится кристально прозрачной. Правда, доплыть по такой воде до буйки не осмеливаются даже самые отмороженные моржи. Именно о такой ледяной прозрачности я и хочу рассказать.

Работал я тогда в Институте экономики на Французском бульваре рядом с киностудией. И летом у нас была традиция – обеденное время тратить не на походы в столовку, а на водные процедуры: спуститься вниз и с разбегу броситься в набегающую волну. Но в тот раз от разбега нас что-то удержало, то ли дымка над водой, то ли резкое похолодание по мере спуска к морю.

– Температура воды – девять с половиной градусов, – сказал самый что ни на есть младший научный сотрудник, утверждавший, что умеет определять температуру с точностью до половины градуса.

– Надеюсь, выше нуля? – сострил старший научный сотрудник.

– Вроде да, но я не уверен, – парировал младший.

Проверять не хотелось, тем более что ноги сводило еще в полосе прибоя. Самый морозостойчивый из нас все-таки ухнул в воду, и отголоски этого «ух» долго отражались эхом от Ланжерона до Аркадии.

Вернувшись домой, я пожаловался соседке на серьезное похолодание и вызвал у нее недоумение.

– Какие холода? Я была сегодня в Лузановке, там у спасателя белым по черному было написано: «Температура воздуха – 32 оС, морской воды – 21».

– Надеюсь, выше нуля, – пошутил я, но соседка шуток не понимала.

Следующий день у меня был библиотечным. До сих пор не знаю, есть ли какая-нибудь библиотека в районе Лузановки, но я поехал именно в нее. И с разбегу нырнул в... ледяную «читалку» температурой 9,5 оС.

– Что ж ты мне рассказывала про теплую воду в Лузановке? – возмутился я соседке, когда та вечером вернулась домой.

– А что ты мне рассказывала за обморожение в Отраде? – парировала она. – Я сегодня была у друзей на Фонтане, там вода – 19 градусов.

– С половиной, – попытался пошутить я, но соседка опять не поняла юмора.

Зато я, поразмыслив, понял, в чем дело. Холодная вода, выдавленная из глубины в Одесский залив, здесь и бултыхается до первого шторма. Но теплый, более легкий верхний слой тоже куда не девается. И в зависимости от направления ветра его прибивает то к южному берегу – от Ланжерона до Большого Фонтана, то к Северному – Лузановка, Крыжановка, далее со всеми останками. И мне просто два раза не повезло.

С тех пор и я, прежде чем ехать на море, обзванивал все пляжи (да, да, в те годы на всех спасательных станциях был телефон) и составлял сводку военных действий: Ланжерон – вода +12, Отрада – +14, Аркадия – +16, 10-я Фонтана – +18, 16-я Фонтана – +20.

Когда отходит вечерняя лошадь на Фонтан?